

или психическое излечение (разрядка моя.— И. З.) не-исцелимой болезни».

Для этой идеологии нет понятия духовного конфликта. Для нее счастливое семейство, румяные щеки и тугой кошелек — выход, способный покрыть любые противоречия. Вот почему «Пчела» из номера в номер формирует образ счастливого человека, который счастлив по-булгарински. Этот герой имеет два варианта: петербургский и сельский. В столице он служит или занимается «делами». Он одет в лучшее платье от Руча (первый петербургский портной), в сапоги от Пеля (32 рубля пара и подметки не снашиваются в год)⁴, у него экипаж от Иохима. Иохим — лучший каретный мастер в столице, а Гамбс — мебель которого украшает комнаты счастливца, лучший мебельщик. Обедает он если не дома, то в ресторанах Фельбетта или Дюма, ходит в оперу, подписывается на «Пчелу» и читает романы Булгарина.

Впрочем, поклонником их является и вариант номер два — т. е. сельский житель. Он как две капли воды похож на героя романа «Иван Выжигин» помещика Россиянинова. Его амбары ломаются от хлеба, в семье царит благость и взаимопонимание. Общий антураж счастья соответствует антуражу финала «Трех листков». Доходы обоих вариантов, естественно, высоки.

Если же говорить о духовной пище, то она исчерпывается чтением той же «Пчелы» или «Библиотеки для чтения». У героя абсолютно отсутствует вкус. Он, как «Библиотека» и «Пчела», готов считать Кукольника «гением», нашим Гете, а о Пушкине отзываться, как и о Кукольнике. «Любитель нашей литературы должен радоваться появлению нового светила (разрядка моя.— И. З.), — пишет „Пчела“ о Кукольнике, — коего выход заблистал такими роскошными цветами поэзии» (от 14.VIII.1833 г.). «В одном берлинском журнале, — не стесняясь пишет она же (№ 44, 1834) — уверяют, что в России считаются ныне 5485 отечественных писателей, из коих редактору... известны только двое: Александр Пушкин и Фаддей Булгарин...».

Что касается Пушкина, то он для героя так же знаменит, как и ресторан Фельбетта, или, скажем, кондитерская «Реноме». О нем в «Пчеле» пишется так же часто, как и о них, и в том же тоне. Пушкин — реестровая достопримечательность, ассортиментный символ барда, «нашего певца». Примерно в таких выражениях и пишет о нем «Пчела»: «автор бессмертных творений»⁵, «первый наш поэт»⁶, «счастливец-гений»⁷. Пушкин в этих перечислениях похож на... сахарного Наполеона, который стоит в витрине кондитерской «Реноме» и которого рекламирует Булгарин (№ 302, 1832). Наполеон в этой корреспонденции приравнен к галстукам, лорнетам, модным дамским перчаткам, кошелькам, продающимся в той же кондитерской. Это низведение великого до уровня кошельков и лорнетов — типичный стиль мышления «Северной пчелы». Великого же в духовном смысле для нее вообще не существует. Есть великий доход, великий чин, но нет великого человека. Вот как, например, она пишет о другом отечественном гении — Лобачевском: «У нас на святой Руси гении никогда не бывают поняты. Но не беспокойтесь. От прозорливого Г. Лобачевского не укрылась эта плачевная участь гениальных произведений. Он послал по экземпляру своей программы (речь идет о „Геометрической программе“ Лобачевского.— И. З.) во все знаменитые иностранные академии. Авось, там его поймут лучше нашего» (от 21 марта 1834 г.)

Пушкин же для «Пчелы» велик относительно. Это великость популярности, великость спроса публики. Считаюсь с нею, «Пчела» вместе с тем играет авторитетом Пушкина, низводя его до своего уровня —

⁴ См. «Северная пчела», 1833, № 60.

⁵ «Северная пчела», 1831, № 266.

⁶ «Северная пчела», 1832, № 50.

⁷ «Северная пчела», 1832, № 81.